

Базелиц: «Я делаю документ...»

19 ноября в Москве, в Малом Манеже, открылась выставка произведений всемирно известного немецкого художника Георга Базелица. Событие экстраординарное. В гостях у Лужкова, любителя Церетели, — мастер «пощечин общественному вкусу», к которому, пожалуй, приложимо недавно еще ругательное слово «авангардист». Объяснение тут нужно искать не в имени автора, а в имени владельца: «Дойче Банк» представляет более чем 200 произведений из своей коллекции «в рамках партнерских связей между Москвой и Франкфуртом-на-Майне в год 850-летия Москвы».

Так кто же такой Базелиц? Потрясатель основ, скандалист? Или серьезный, даже несколько консервативный художник, никогда не порывавший с изобразительной традицией европейского искусства?

Георг Базелиц действительно прославился тем, что в буквальном смысле поставил мотив (или, как мы говорим, сюжет) с ног на голову. С тех пор между перевертышами и самим мастером часто ставится знак равенства: Базелиц — это тот, у которого все наоборот. Из уст в уста передается история, как в Москве несколько лет тому назад на одной из немецких выставок несколько работ художника упорно пытались повесить «по-нормальному».

Экспозиция скорее заворачивается, чем отторгает. Сам визуальный ряд с преобладанием более сдержанных, не декларативных графических работ, исполненных в классических, немодных в наш компьютерно-офсетный век техниках — рисунок, офорт, ксилография, линогравюра — провоцирует на постепенное вхождение в предмет и привыкание. Конечно, эта тщательная немецкая штудия природы, пусть и перевернутой, но почти всегда сохраняющей фигуративность, может вызвать досаду и раздражение недостаточной радикальностью мер (не того мы ожидали!). Базелиц действует вопреки иллюзионизму и содержательной значимости сюжета — в этом актуальный для XX века и лично для автора протест против натурализма и догматического реализма. Художник замечает: «Переворачивание картин нейтрализует высказывание. Когда картина ставится вверх тормашками, уже больше нельзя утверждать, что этой картиной хотели что-то высказать, кроме того очевидного факта, что это картина».

Для неподготовленного российского зрителя все это, конечно, в диковинку. Так или иначе, Базелиц, пусть «причесанный» и музейный, и сейчас вполне способен воздействовать на нашу одичавшую художественную сцену. Только захочет ли она к нему присмотреться, его расслышать? 21 ноября в встрече в залах выставки, в окружении собственной графики и живописи, Базелиц говорил действительно об очень важных вещах, личных и в то же время касающихся всех. Говорил жестко и просто. Эту беседу мы предлагаем читателям.

Г.Базелиц: Чем более взрослым и профессиональным становится художник, тем больше ему мешает то, что его восхищает. Я же восхищался не великими, а почти маргинальными фигурами, такими,

как Михаил Врубель, Огюст Редон, Франсис Пикабия, которого я воспринимал как антипод Пикассо. Эти художники меня и сейчас задевают. Но я никогда не стараюсь быть похожими на них. Когда художник пытается повторить то, что он любит, он гибнет как художник, потому что в живописи вопрос состоит не в интерпретации, а в создании нового. Например, Михаил Врубель. Художник, никому до недавнего времени на Западе не известный. Я думаю, что первая моя встреча с Врубелем произошла где-то в начале 60-х: мне в руки случайно попало немецкое издание 20-х годов, где было воспроизведено несколько врубелевских работ. Не имея никакой информации о нем, я выдумал себе Врубеля. Делал рисунки, представляя себе, как будто так мог их делать он. Я хочу сказать, что я сам искал ориентиры в искусстве, проводил время в библиотеках, музеях, наблюдал жизнь. И вдруг я стал известным, но, тем не менее, не перестал учиться.

Сейчас я признан обществом. Что это значит? Ощущение того, что общество является открытым, — это ведь вопрос веры, доверия. Так, в СССР принято было считать, что советское общество есть единственное открытое общество. Теперь даже те, кто верил в это, поняли, что это не так. Открытое общество — это и не мультикультура. На мой взгляд, наступление эры мультикультуры приведет к потере многого. Мне нравится, что есть выражено немецкое, американское, русское искусство. Я не думаю, что можно говорить и о европейском искусстве. Есть множество разных художников, которые делают множество разных вещей. Но, к сожалению, в нашей огромной Европе создаются не так уж отличающиеся друг от друга произведения. И я не хотел бы, чтобы все слилось воедино. Мультикультура для меня — это отсутствие культуры, это полное смешение.

Сейчас я говорю все громче, что я делаю мои вещи по-немецки, а не по-китайски. Может быть, это отдает немецкой брутальностью. На самом деле я просто люблю немецкое искусство — готику, Кирхнера, Нольде, Кранаха. Это моя родина, расположенная к северу от Альп, а чем севернее от Альп, тем брутальнее (например, то, как художники-назарейцы

¹ Находясь в Москве, Георг Базелиц специально посетил запасник Третьяковской галереи, чтобы посмотреть неопубликованные и неизвестные рисунки Врубеля. Кроме того, он был одним из инициаторов организации выставки Михаила Врубеля, прошедшей в 1997 году в Дюссельдорфе и Мюнхене.

Г.Базелиц в Москве. Ноябрь 1997 г. Фото И.Свиридова.
Внизу: «Едок апельсинов». 1981. Линогравюра.

хотели «вдохнуть жизнь в Рафаэля», — это и вправду жестоко). Но северное искусство при этом очень болезненно, напряженно и, как это ни удивительно, абстрактно. Та же Венера Кранаха — она угловата и некрасива и при этом абстрактна, как знак (если сравнить ее с образами Боттичелли, то вы поймете, что я имею в виду).

Я родился и вырос в ГДР, где четко разграничивалось, где друг, а где враг. И вот я попал на «гнилой Запад», где вовсе не было идеологии. Капитализм — это не идеология: мне только говорят, чего делать нельзя, но не указывают, что надо делать. А нельзя — ходить без штанов, нельзя — выставлять работу «Большая ночь в ведре»². А художники, особенно молодые, обычно стараются делать то, чего делать нельзя. Однако, если я заявляю, что я — художник и потому я — асоциален, то зачем же мне тогда требовать от общества признания и любви. Меня гораздо больше занимает индивидуальность каждого художника.

Счеты с прошлым чрез-

вычайно важны, а для немца в особенности, и в Западной Германии это давно стало одной из главных тем рефлексии. Ответственность за фашизм не воспринимается мной только как личная ответственность. Это скорее проблема поколения, а не только проблема немцев. Мне кажется неприличным и даже обидным писать специальные картины на эту тему или сооружать памятники. Это слишком простой выход.

Я прекрасно знаю, что в конце 80-х на Западе появилось так называемая «русская живопись». Она вторглась на художественный рынок почти анонимно и дешево продавалась тогда дельцами от искусства. Я не знаю имен, не представляю себе, что творится в русском искусстве сегодня. Меня поразило и то, что здесь, в Москве, ни в одном музее нельзя увидеть ни одной современной картины. Нет музеев современного искусства. Так что на вопрос, что я думаю о современной русской живописи, я могу ответить так: я не имею о ней ни малейшего представления. Это можно сравнить с тем, что мне, человеку с Запада, сразу бросилось в глаза в московском аэропорту: сразу четыре надписи «Не курить», а рядом огромная реклама «Мальборо» (просто как у Ильи Кабакова).

Как и когда-то в ГДР, у вас, мне кажется, до сих пор в ходу система ящичков: кто выше, кто ниже. Так теряется индивидуальность. В России меня особенно удивляет, что партийная принадлежность по-прежнему имеет для людей какое-то

значение. Я имею в виду разделение на радикалов, консерваторов и так далее. Когда молодой художник говорит: «Я консерватор», — это большая редкость. Само собой разумеется, что каждый предпочитает называть себя радикалом. Я же работаю с бумагой и холстом, карандашом и красками, занимаюсь гравюрой. А это — обычно. Обычно — плохо это, или хорошо? У вас бояться этой общности. Все, что приходило из новой России (я имею в виду искусство), было не банально, не обычно, а, напротив, помпезно. Меня бы больше радовало, если бы меня называли банальным художником, а не помпезным.

Я делаю «документ» — мои работы можно хранить. Может быть, это звучит банально. А «проекты» имеют свойство исчезать. Конечно, сейчас в Берлине, да и во всей Германии, мало кто занимается акварелью, живописью, графикой. В основном это новые технологии, медиа. Индивидуальные вещи — рисунки, картины — мало кого привлекают. Я бы не назвал это авангардизмом. Это скорее натурализм детского возраста.

НИНА МАХАРАШВИЛИ

Москва

² Именно за эту картину, выставленную в 1963 году в Западном Берлине, Базелиц был обвинен в «нарушении сексуального табу».